

4. Komitet z pytan informatyzacji ta informacyjnych technologii rozglyanu pytannya shchodo pidgotovky do parlamentskykh sluhan na temu: "Zakonodavche zabezpechennya rozvytku informacynogo suspilstva v Ukraini" [Elektronnyy resurs]. – Rejym dostupu : <http://iportal.rada.gov.ua>. – Nazva z ekranu.

5. Mytropolyt Volodymyr, Zavdannya pravoslavnogo bogoslovyia v Ukraini na suchasnomu etapi [Text] // Filozofska dumka: Specvypusk Sentetiae III "Hrystyaska teologiya i suchasna filozofia". – Vinnytsya, 2013. – 278 s.

6. Oficyina mereja saitiv Ukrainskoi Pravoslavnoi Tserkvy [Elektronnyy resurs]. – Rejym dostupu : <http://church.ua/>. – Nazva z ekranu.

7. Oficyyny web-sait Ukrainskoi Pravoslavnoi Tserkvy [Elektronnyy resurs]. – Rejym dostupu : <http://orthodox.org.ua/>. – Nazva z ekranu.

8. Oficyyny sait synodalnogo viddilu [Elektronnyy resurs]. – Rejym dostupu : <http://info.church.ua/>. – Nazva z ekranu.

9. Ofsait UPC [Elektronnyy resurs]. – Rejym dostupu : <https://twitter.com/ukrorthochurch>. – Nazva z ekranu.

10. Pravoslavie v Ukraini [Elektronnyy resurs]. – Rejym dostupu : <http://orthodoxy.org.ua/>. – Nazva z ekranu.

11. Russkaya Pravoslavnaya Tzerkov [Elektronnyy resurs]. – Rejym dostupu : <http://www.patriarchia.ru/>. – Nazva z ekranu.

12. Svyataya Uspenskaya Kyevo-Pecherskaya Lavra [Elektronnyy resurs]. – Rejym dostupu : <http://lavra.ua/>. – Nazva z ekranu.

13. Semynojenko V.: Zavdyaky derjavnyy pidtrymci Ukraina polipshyla sviy reityng za rivnem rozvytku IKT [Elektronnyy resurs]. – Rejym dostupu : http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=246752841. – Nazva z ekranu.

14. Strategiya rozvytku informacynogo suspilstva v Ukraini [Elektronnyy resurs]. – Rejym dostupu : <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/386-2013-%D1%8>. – Nazva z ekranu.

15. Ukrainka pravoslavna tzerkva [Elektronnyy resurs]. – Rejym dostupu : <https://www.facebook.com/Church.ua>. – Nazva z ekranu.

16. Festyval ZMI pravoslavnyh [Elektronnyy resurs]. – Rejym dostupu : <http://festZMI.org>. – Nazva z ekranu.

17. Fotolotopys [Elektronnyy resurs]. – Rejym dostupu : <http://fotolotopys.in.ua/>. – Nazva z ekranu.

Zadoianchuk O. O., *Postgraduate of Religion study Department of Philosophical faculty, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine, Kyiv), zadoianchuk@gmail.com*

Information and education activities of Ukrainian Orthodox Church

The article highlights the gradual transition of Ukraine to the information society and active response of the Ukrainian Orthodox Church to the process is marked. The author analyzes the activities of the Synodal Information Department of the Ukrainian Orthodox Church in terms of adaptation to the modern information society. Key areas of the department activity are considered, significant attention given to the analysis of information activities of the Ukrainian Orthodox Church in the internet (the most authoritative resources on the Internet are characterized). As a result of the study the author concludes that in the context of the state policy of Ukraine aimed at the development of the information society, the Ukrainian Orthodox Church demonstrates significant interest in enhancing the role of information and ways to improve its receipt.

Keywords: *information society, educational activities, Orthodoxy.*

Zadoianchuk O. A., *аспирантка кафедры религиоведения философского факультета, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко (Украина, Киев), zadoianchuk@gmail.com*

Информационно-просветительская деятельность Украинской Православной Церкви

Освещается постепенный переход Украины к информационному обществу и отмечается активное реагирование на этот процесс Украинской Православной Церкви. Автор анализирует направления работы Синодального информационно – просветительского отдела Украинской Православной Церкви в условиях адаптации к современному информационному обществу. Рассматриваются ключевые направления деятельности отдела, значительное внимание уделено анализу информационной деятельности Украинской Православной Церкви в интернете – пространстве характеризуются наиболее авторитетные ресурсы в сети Интернет). В результате проведенного исследования автор делает вывод, что в контексте осуществления государственной политики Украины, направленной на развитие информационного общества, Украинская Православная Церковь демонстрирует значительную заинтересованность в повышении роли информации и совершенствовании способов ее получения.

Ключевые слова: *информационное общество, просветительская деятельность, православие.*

* * *

УДК 12

Калужская Е. В.

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, теологии и религиоведения, Российский Государственный социальный университет (Россия, Москва), kaluzhskaya_lena@mail.ru

“РЕЛИГИОЗНОСТЬ” СЕКТАНТСТВА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Анализируется современная религиозность. В качестве теоретико-методологической основы применяется концепция постмодернизма. Изложены основные принципы постмодернизма и предпринята попытка определить, как они проявляются в сфере реального бытия в целом и в реальной религиозной жизни в частности. Дается характеристика особенностям общества эпохи постмодерна и присущей ей религиозности. Выделяется отличительная черта современной религиозности – внутренняя секуляризация, приводящая к появлению чисто постмодернистского феномена квазирелигиозности. В качестве основной формы постмодернистской религиозности рассматриваются глобальные секты (как религиозные, так и квазирелигиозные). Обосновывается тезис о том, что современные глобальные секты есть своеобразный аналог транснациональных корпораций в сфере религии.

Ключевые слова: *модернизм, постмодернизм, религиозность, секуляризация, глобальные секты.*

(статья друкється мовою оригіналу)

Современное сектантство является ведущей формой существования религиозного сознания и деятельности в мире, постепенно перехватывающей пальму первенства у традиционных религий. Можно сказать, что современное сектантство становится мейнстримом современной религиозной жизни. Специфичность современной эпохи, часто характеризующаяся как эпоха постмодерна, выражают, на наш взгляд, глобальные секты.

Сформулируем общефилософскую гипотезу: современную актуальную мировую ситуацию можно определить как ситуацию постмодерна, признаки которой адекватно рефлексированы концепцией постмодернизма. Доказательство того, что современная эпоха является эпохой постмодерна посвящено немало исследований. Настоящая статья направлена на рассмотрение данного тезиса с т. з. религиозной жизни, т. е. путем, ведущим к этому тезису, нами выбран путь рассмотрения современной религиозной ситуации.

Интенсификация (качественный и количественный рост) религиозного сектантства есть частное проявление эпохи постмодерна и рассматривается нами как постмодернистская ситуация в религиозной сфере современного мира.

С нашей т. з. дихотомии модерн/постмодерн в целом и целом соответствует дихотомия традиционные религии/современное сектантство. Термины “религиозный модернизм” и “религиозный постмодернизм” уже введены в научный оборот и достаточно разработаны в российском религиоведении и обществознании. Наиболее глубоко, с нашей точки зрения, их разработал А. С. Ваторопин, давший следующие определения: “религиозный модернизм – это парадигмальное понятие, которое устанавливает взаимосвязь, характер взаимодействия между религией как целостной динамичной духовно-социальной подсистемой и обществом как социальной системой, находящейся в процессе модернизации” [2, с. 85]. Ключевым словом здесь является “модернизация”. Но вместе с тем, автор разграничивает понятия “модернизация религии” и “религиозный модернизм” и под первым понимает процессы, связанные с изменением внутреннего содержания религии, а религиозный модернизм – более широкий социокультурный

феномен, отражающий отношение религии к прогрессивному развитию общества, к социальной модернизации. Это разграничение не играет принципиальной роли, поэтому мы будем рассматривать эти понятия и процессы как равнозначные. Раскрывая свое определение, автор пишет, что интегративное понятие “религиозный модернизм” в науке используется мало – в основном в конфессиональном преломлении: католический, православный, протестантский и т.д. “модернизмы”. Однако, если этот термин не употребляется в научном массиве, то это еще не значит, что термин не имеет права на существование.

Здесь возникает интересный момент: когда говорят о конфессиональных “модернизмах”, то это не режет слух (например, модернизация, осовременивание традиционных религий – вполне объективные процессы), однако, можно ли говорить о конфессиональных “постмодернизмах”? Религиозный постмодернизм, в отличие от модернизма, отражающего модернизацию отдельных конфессий, наоборот, пытается преодолеть и стереть межконфессиональные границы. Это отнюдь не экуменизм как интеграция мировых религий, это нечто противоположное. Об этом пишет А. С. Ваторопин: “религиозный постмодернизм теологически нейтрален, т.к. ни одна религия не может базироваться на принципах, которые отрицают религиозные идеалы и авторитеты” [2, с. 88]. Что касается интегрирующей /дезинтегрирующей роли религиозного постмодернизма и экуменизма, то здесь существует и противоположная точка зрения, высказанная Х. Кюнгом: “...с точки зрения религии новую модель постмодернизма можно определить как экуменическую парадигму, ставящую своей целью единство христианской церкви, мир между религиями и сотрудничество наций” [4, с. 228]. Представляется, что постмодернистская религиозность не может ставить целью “мир между религиями”, поскольку постмодернистское отношение к чему-либо (в том числе и между религиями) никак эмоционально не окрашено (ни в положительную, ни в отрицательную сторону), поскольку радикальный плюрализм (термин А. С. Ваторопина) предполагает и радикальный нейтралитет, или радикальное безразличие. Эта ситуация тотального безразличия достаточно ярко иллюстрируется и феноменом сектантства, когда для каждой секты, пусть даже самой малочисленной, не существует религиозного мира вне ее. Сектант становится небезразличным, когда его безразличие нарушается внешним вторжением.

После рассмотрения явления “религиозного модернизма” автор переходит к анализу понятия “религиозный постмодернизм” и дает следующее определение: “это парадигмальное понятие, которое обозначает деконструкцию религии как духовно-социальной подсистемы общества, а также ее интегрирующих социальных функций” [2, с. 88]. Таким образом, основной характеристикой постмодернизма в религии является деконструкция самой религии. И здесь встает вопрос о конкретных механизмах осуществления этого процесса, о форме, в которой протекает деконструкция. С нашей т. з. одной из ведущих форм постмодернистской деконструкции религии является деятельность современных сектантских образований.

Религиозный постмодернизм, воплощением которого, на наш взгляд, являются современные глобальные

секты, преодолевает межконфессиональные границы не интегрально, но механистически и эклектично. Эклектика становится механизмом смыслообразования постмодернистских религиозных построений. В эклектизме современных сект не интегрированы, но грубо перемешаны элементы различных конфессий, религиозных течений, теологических концепций и пр. Например, североамериканская секта под названием “Путь истины” (она же “Церковь божьего спасения”) основана на соединении христианства с буддизмом и вере в летающие тарелки.

В мировоззрении “Нью-Эйдж” имеет место восточный мистицизм, буддизм, элементы индуизма, языческое одушевление природных стихий и жречество, положения философии Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского. Мало того, что в мировоззрении “Нью-Эйдж” смешиваются эти разнородные идейные образования, так они еще и трансформируются в угоду “своих” сектантских целей. Например, для христианских доктрин в мировоззрении этой организации места нет, поскольку они прямо противоположны по своему содержанию основным принципам “Нью-Эйдж”. Однако, элементы христианства (не выдавая их за таковые) все же удается инкорпорировать в идейный корпус “Нью-Эйдж” лишь путем глубокого искажения догматов христианства. Так, идея реинкарнации, в принципе, отсутствовала в иудейской традиции. Тем не менее, идеологи “Нью-Эйдж” приспособливают ее к христианству. Иисус Христос в понимании этой секты превращается из Бога в учителя мудрости. Центральный для христиан догмат о воскресении отбрасывается, греховность человека заменяется его божественностью.

На эклектичность обращает внимание и А. С. Ваторопин, определяя эмпирические признаки религиозного постмодернизма, в числе основных он называет следующий: “амбивалентное состояние религиозного сознания верующих, выражающееся в эклектическом синтезе догматов различных вероучений (традиционных и нетрадиционных)” [2, с. 90]. В связи со всем этим, можно утверждать, что религиозный модернизм конфессионален, а религиозный постмодернизм антиконфессионален, он “по сути, несовместим ни с какими религиями” [2, с. 89].

Одним из важнейших процессов, воплощающих изменение роли религии в современном обществе, является процесс секуляризации. Рассматривая переход от религиозного модернизма к религиозному постмодернизму, нельзя пройти мимо этого существенного явления современности. Поэтому далее мы остановимся на рассмотрении современных религиозоведческих и социологических концепций секуляризации и попытаемся определить, какую роль играют в этом процессе современные секты.

Интересную концепцию перехода от религиозности модерна к религиозности постмодерна предлагает А. И. Кырлежев. С его точки зрения основное содержание этого перехода составляет процесс секуляризации, понятие, введенное в религиозоведение М. Вебером в работе “Протестантская этика и дух капитализма”. По мнению автора во все времена религия пронизывала все сферы человеческого бытия до наступления эпохи модерна. Наступление этой эпохи характеризуется секуляризацией общественного сознания и вычленением рели-

гии для отмежевания от нее, выделения для религии отдельного пространства. Он признает, что секуляризация не является в данном случае принципиально новым процессом. Он пишет: “Секулярный проект восходит к эпохе Просвещения. Этот проект предполагал появление “секулярного человека”, то есть вполне постороннего, формируемого позитивной наукой и социально ангажированного” [3, с. 2].

Однако в чем тогда состоит новизна нового этапа секуляризации, связанного с переходом от модерна к постмодерну? С точки зрения Крылежева современный процесс секуляризации отличен от традиционного. Традиционно понимаемая секуляризация – это сокращение роли церкви в регулировании общественной жизни. В связи с религиозным ренессансом рубежа веков концепцию секуляризации стали очень активно критиковать. Однако вскоре стало очевидно, что религиозный ренессанс происходит не просто так, но с определенными качественными изменениями религиозности, в которых слиты воедино два противоположных процесса – обновление и возрождение религиозности и секуляризация. Концепция “постсекулярности” А. Крылежева является попыткой осмыслить этот процесс с точки зрения постмодернистской методологии.

Современный, постмодерный процесс секуляризации, по мнению автора, связан, прежде всего, с колоссальным увеличением религиозного разнообразия, в котором по сути дела теряются и растворяются традиционные религиозные представления, идеи и идеалы. Это тот количественный рост разнообразия религиозности, который дает качественно новый результат – не усиление, а ослабление, доходящее до отрицания религиозности. Автор пишет: “знаком постсекулярной ситуации является вариативность, синкретичность, неопределенность (размытость) религиозных представлений (верований, образов, идей). У “Бога” постсекулярной эпохи нет нормативного образа. Нет общего понимания того, что такое Бог, религия, вера, церковь или религиозная община. Декларируемая человеком “вера в Бога” ничего не говорит о содержании этой веры, и чтобы определить характер религиозности, нужно проводить специальные социологические исследования. Это эпоха новейшего “политеизма”, порождаемого религиозным волюнтаризмом. Его “материя” – весь спектр религиозных идей и практик, информация о которых (или об источниках которых) доступна всем – например, в едином информационном пространстве Интернета. Плюрализм в общерелигиозной сфере оборачивается не секуляризмом, а политеизмом” [3, с. 6]. Таким образом, заключает автор, эта безыдейность постмодерна обнаруживает его как нового врага религии как религии. Очень оригинально и, на наш взгляд, очень точно автор использует словосочетание “нашей новейший “политеизм””. Сам автор, безусловно, иронизирует, используя его. Однако, как нам кажется, в его иронии есть один очень важный момент. Дело в том, что после распада СССР на постсоветском пространстве пыльным цветом расцвели многочисленные дореволюционные представления: монархические, общинные, православные, языческие, магические, славянофильские и т.д. Возродилось не только православие, но и язычество. Но возродились они уже на новом уровне. Рассмотрим лишь то, что относится к сектантству. На наш взгляд, в современном сектантстве на но-

вом уровне, с учетом глобализационных процессов своеобразно возродились магические представления, языческий политеизм. Многообразие и плюрализм сект в превращенной форме возрождает языческое многобожие. Принцип “каждой секте – свой бог (или идол)” превращенно олицетворяет “равенство” языческих богов. Но, если у языческих богов была, так сказать, своя “специализация”, то у каждой секты свой бог универсален и всемогущ. В этом, как нам представляется, состоит механическое смешение монотеизма и политеизма, получается религиозный кентавр. И в этом соединении несоединимого, смешении разнородного и противоречивого, в том числе, и состоит постмодернистское содержание современных сект. На это же обращает внимание и другой исследователь религиозного постмодернизма Бачинин В. А. Размышляя о постмодернистском неоязычестве и секуляризме, он отмечает, что эти две, казалось бы, противоположные, тенденции взаимодополняют друг друга и идут рука об руку: “Секуляризм в своем продвижении в массы обнаружил верного союзника – неоязычество, появления которого в современной социальной и духовной жизни наблюдаются повсеместно. Засилье астрологии, распространение всевозможных суеверий – не случайные модные поветрия. Для массового человека постмодерна Бог по-прежнему “мертв”, а Христос не воскрес. Именно поэтому время постмодерна стало фактически языческим ренессансом” [1, с. 166].

Религия низводится до секулярного уровня, т.к., по мнению автора, другого уровня уже быть не может. Квазирелигиозность секулярной культуры сама подводит под собой черту и наступает эпоха постсекулярная, постмодерн. Возникает безразличие к религии. Ее больше не уничтожают, не перетолковывают, а мирно и тихо сосуществуют вместе с ней. “Вот тут-то религия, которую секуляризация превратила в религию *par excellence*, в “только религиозную религию”, уже именно в этом качестве снова вступает на социокультурное поле и обнаруживается в общественном пространстве... Постмодерн дал свободу религии, религиозности и тем самым обозначил в “европейской культурной истории” начало постсекулярной эпохи” [3, с. 3].

Постмодерн является эпохой плюрализма, поэтому, относясь спокойно к традиционной религии, он не дает ей шанса выделиться, а рассматривает ее наряду с другими религиозными представлениями как “одну из”. Таким образом, постмодерн становится новым врагом традиционной религии. Постсекулярная эпоха безыдейна, безнравственна. Только религия, на что и уповает автор, способна стать определяющей для нравственности, для мировоззрения.

Новое сектантское радикальное гиперразнообразие разрушает традиционные религиозные нормы. Этот новый религиозный процесс выступает как тоже своего рода секуляризация, но секуляризация не светским, а религиозным, как бы парадоксально и противоречиво это не звучало. И здесь всплывает вопрос, поставленный Д. А. Узланером: “...новые формы религиозности, заявившие о себе в полный голос в последние несколько десятилетий – подтверждают ли они секуляризацию или, наоборот, опровергают ее? ... Ситуация осложняется, если иметь в виду новые формы религиозности, например, Нью-Эйдж, вовсе не требующий от своих аде-

птов участия в каких-либо религиозных институтах. Является ли религиозность нью-эйджера менее религиозной, чем религиозность набожного христианина и если да, то на каком основании?" [5, с. 63–64].

Термин "постсекуляризация" говорит только о том, что за секуляризацией следует новый этап ее развития, но терминологически не обозначает суть изменений. Мы предлагаем говорить о внешней и внутренней секуляризации.

Под внешней секуляризацией мы предлагаем понимать сокращение религиозного пространства в общественной жизни, под внутренней – сокращение и трансформация религиозного пространства в религиозной жизни. При этом очевидно, что термин "внешняя секуляризация" является обозначением традиционной секуляризации, секуляризации модерна, а внутренняя – обозначением секуляризации постмодерна.

И внешняя и внутренняя секуляризации представляют собой процесс. Что является результатом внешней секуляризации хорошо известно и, в общем и целом, можно сформулировать как снижение роли церкви и религии в регулировании общественной жизни. Но что может являться результатом внутренней секуляризации? С нашей точки зрения – изменение религиозного статуса и религиозного содержания традиционного религиозных образований, институтов. Секты традиционно были преимущественно религиозными образованиями. Но в эпоху бурного развития процесса внутренней секуляризации в сектах начинает вызревать новое содержание. Как о результате этого процесса можно говорить о формировании института нерелигиозных сект.

Отличную от традиционной точку зрения на секуляризацию отстаивали английские исследователи, классики теории, Б. Уилсон и П. Бергер. В изложении российского ученого Д. А. Узланера они "подразумевали, что секуляризация приведет не только к утрате религией своей социальной значимости, но и к упадку веры как таковой, которой будет все труднее утверждать себя в условиях рационализованного плюралистического мира" [5, с. 63]. Автор (Д. А. Узланер) опровергает эту позицию тем, что "даже в самых современных обществах число верующих остается достаточно высоким" [5, с. 63]. Однако здесь, как нам кажется, более продуктивен не количественный, а качественный подход. Дело в том, что процесс внутренней секуляризации очень молод и еще рано судить о его каких-либо количественных результатах. Попросту количество традиционных верующих, которым автор опровергает эту точку зрения, может быть обусловлено инерцией существования традиционных религий.

Развивая тему секуляризации, с нашей точки зрения весьма интересной представляется такая форма этого процесса как религиозная секуляризация, являющаяся разновидностью выделенной нами формы внутренней секуляризации. На первый взгляд это абсурд, соединение несоединимого. Однако это вполне вписывается в логику постмодернизма, это понятие весьма органично ей. Современное сектантство, на наш взгляд и воплощает тенденцию утраты традиционных религиозных ценностей на фоне роста религиозности как таковой. Иными словами, современные секты представляют собой форму религиозной секуляризации традиционных религий без отрицания религиозного мировоззрения и миро-

ощущения, это форма перехода от религиозного модерна к религиозному постмодерну.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, религиозный постмодернизм отрицает традиционные религиозные ценности и более того, традиционную религиозность как таковую обозначает и фиксирует новую религиозную ситуацию. Религиозный постмодернизм, пытается преодолеть и стереть межконфессиональные границы. Но это происходит не интегрально, но механистически, эклектично. Эклектизм, являясь основной чертой постмодернизма в целом, оканчивается ведущим признаком и религиозного постмодернизма.

Во-вторых, конкретно-историческим воплощением религиозного постмодернизма являются современные секты. Интенсификация религиозного сектантства в современном мире является частным проявлением эпохи постмодерна и может рассматриваться как постмодернистская ситуация в религиозной сфере современного мира. В эклектизме современных сект не интегрированы, но грубо перемешаны элементы различных конфессий, религиозных течений, теологических концепций и пр. Современное гиперразнообразие сект не усиливает, а наоборот, раздробляет традиционную религиозность.

В-третьих, современное сектантство является не столько религиозным, сколько квазирелигиозным. Поэтому современные секты противостоят не только традиционной религиозности, конфессиям, но и составляют противоположность традиционному сектантству. С переходом к современному типу сектантства изменилось и основное социальное содержание сектантства как общественного явления: если традиционные секты выступали своеобразной формой социального протеста, то в конце XX – начале XXI веков секты становятся одной из современных новейших форм порабощения человека человеком с целью извлечения экономической прибыли. Современное сектантство развивается преимущественно в форме крупных, даже глобальных сект, которые можно рассматривать в качестве проводников религиозной глобализации. Глобальные секты можно квалифицировать как транснациональные религиозные институты.

Современные секты не столько развивают религиозность, сколько используют старые представления, представления, как мировых религий, так и мифологические и языческие взгляды в своих узкокорпоративных целях. Кроме того, значительно трансформируется социальная функция новых религиозных образований. Если традиционная церковь призвана выполнять, в общем и целом конструктивную функцию в обществе – организационную, управленческую, идеологическую, мировоззренческую, то функциональность современного сектантства крайне деструктивна. Современные глобальные секты в религиозной жизни представляют собой аналоги крупных транснациональных корпораций в экономике, причем масштаб экономической деятельности и количество извлекаемой прибыли отдельных сект сопоставим с показателями крупных фирм. Безусловно, в деятельности традиционной церкви экономическая составляющая также играет не последнюю роль, но в сектах извлечение финансовой прибыли является определяющим и первостепенным изначально.

Таким образом, можно заключить, что современное сектантство, существенно подрывая традиционные религиозные устои, используя в корыстных целях искренние чувства верующих, в более широком контексте является показателем кризисного процесса более широкого масштаба. Феномен современного постмодерного сектантства является наглядным показателем мировоззренческого кризиса, который переживает современное общество.

Список использованных источников

1. Бачинин В. А. Постмодернизм и христианство // Социологические исследования. – 2007. – № 4.
2. Ваторопин А. С. Религиозный модернизм и постмодернизм // Социологические исследования. – 2001. – № 3.
3. Кырлежев А. И. Постсекулярная эпоха / Континент. – 2004. – № 120.
4. Кюнг Х. Религия на переломе эпох // Иностранная литература. – 1990. – № 11.
5. Узланер Д. А. Секуляризация как социологическое понятие (по исследованиям западных социологов) // Социологические исследования. – 2008. – № 8.

References

1. Bachinin V. A. Postmodernizm i hristianstvo // Sociologicheskie issledovanija. – 2007. – № 4.
2. Vatoropin A. S. Religioznyj modernizm i postmodernizm // Sociologicheskie issledovanija. – 2001. – № 3.
3. Kyrlezhev A. I. Postsekuljarnaja jepoha / Kontinent. – 2004. – № 120.
4. Kjung H. Religija na perelome jepoh // Inostrannaja literatura. – 1990. – № 11.
5. Uzlaner D. A. Sekularizacija kak sociologicheskoe ponjatje (po issledovanijam zapadnyh sociologov) // Sociologicheskie issledovanija. – 2008. – № 8.

Калузская Е. В., candidate of philosophical Sciences, associate Professor, chair of social philosophy, theology and religious studies of Russian State Social University (Russia, Moscow), kaluzhskaya_lena@mail.ru

“Religiosity” sectarianism in the postmodern era

In the article the author analyzes the modern religiosity. A theoretical and methodological basis used the concept of postmodernism. The basic principles of postmodernism and the attempt to determine how they are manifested in the field of the real existence in General and in real religious life in particular. Provides the characteristic features of society in the age of postmodernism and its intrinsic religiosity. Allocated a distinctive feature of modern religiosity – internal secularization, leading to the appearance of a purely postmodern phenomenon kvazireligiosity. As the main form of post-modern religiosity addresses global sect (both the religious and the kvazireligiosity). The author substantiates the thesis that the modern global sect is an analogue of transnational corporations in the sphere of religion.

Keywords: modernism, postmodernism, religion and secularization, global sect.

Калузская Е. В., кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, теологии и религиоведства, Росийский Государственный социальный университет (Россия, Москва), kaluzhskaya_lena@mail.ru

“Религиозность” сектантства в эпоху постмодерну

Анализується сучасна релігійність. В якості теоретико-методологічної основи застосовується концепція постмодернізму. Викладені основні принципи постмодернізму і зроблена спроба визначити, як вони проявляються в сфері реального буття в цілому і в реальному релігійному житті зокрема. Дається характеристика особливостей суспільства епохи постмодерну і притаманною їй релігійності. Виділяється характерна риса сучасної релігійності – внутрішня секуляризація, що призводить до появи чисто постмодерністського феномену квазірелігійності. В якості основної форми постмодерністської релігійності розглядаються глобальні секти (як релігійні, так і квазірелігійні). Автором обґрунтовується теза про те, що сучасні глобальні секти є своєрідний аналог транснаціональних корпорацій у сфері релігії.

Ключові слова: модернізм, постмодернізм, релігійність, секуляризація, глобальні секти.

* * *

УДК 291.1:28(477)

Косач Т. М.

кандидат філософських наук, доцент кафедри соціально-гуманітарних дисциплін, Білоцерківський інститут економіки та управління “Відкритого міжнародного університету розвитку людини “Україна” (Україна, Біла Церква), kosachtm@gmail.com

РЕЛІГІЙНО-ФІЛОСОФСЬКИЙ ДІАЛОГ МІЖ КОНФЕСІЯМИ ПРО ВІДРОДЖЕННЯ УНІ НА УКРАЇНІ

Досліджується релігійно-філософський діалог між конфесіями про відродження унії на Україні. Унія – це союз православної та католицької церков, який передбачає об'єднання деяких елементів східного та західного християнства: із православ'я було взято місцеву мову проведення богослужіння, святкування східних свят і частини обрядів, а з католицизму – символ віри, визнання главою церкви папи римського. Або інакше кажучи, із східного християнства взято практику, а із західного – теорію та організаційну структуру.

У 1949 р. під натиском радянської влади унія була розірвана, але в кінці 1980 р. її було відроджено. Адже не можна насильно закріпити за людиною або народом їх початковий релігійний світогляд. Справа честі кожної людини відкрити для себе істину у такому виді, у якому вона йому вбачається і є ближчою та зрозумілішою.

Ключові слова: греко-католицька церква, православна церква, релігія, унія.

В історії України релігія і церква завжди відігравали одну з головних функцій, особливо в західноукраїнському регіоні. Майже до початку нашого століття переважна більшість населення України визначала свою національну приналежність не за національними ознаками, а за сповіданням тієї чи іншої конфесії.

Історія української церкви тісно пов'язана з історією Вселенської церкви, а також з національним життям свого народу та історією сусідніх народностей. Без належної об'єктивної оцінки релігійно-філософського та історичного розвитку України на різних її етапах важко збагнути відповідним чином минуле і сучасне становище української церкви, що є актуальним на сьогоднішній день.

Сьогодні в умовах глибокої всеохоплюючої кризи суспільства, його докорінної трансформації з однієї соціальної системи в іншу, погляди людей все частіше звертаються до сили, яка б їх інтегрувала, захистила і надихнула на подолання труднощів, показала істинний шлях до гідного існування. І хоча з розвитком людської цивілізації основні функції релігії і церкви поступалися багатьом соціальним, культурним та політичним структурам суспільства, її місце і роль в духовному житті українського народу на сучасному етапі розбудови Української держави залишаються нині виключно важливими.

Ще за часів Київської Русі, Україна, як культурна і політична цілісність, формувалася як світова екстравертна реальність, трансформуючи різноплановий візантійський та європейський досвід [8, с. 54–55].

Хрещення Києворуської держави у 988 році перетворило її на повноцінну європейську країну і підняло престиж на високому рівні. “Візантійська і антична духовна спадщина, завдяки введенню християнства приходять на Русь і включаються в той духовний ґрунт, на якому зростає українська культура” [5].

А вже після розколу в християнському світі у 1054 р. утворилися дві гілки християнства – західна і східна, “які уже різнилися одна від одної в етнічному, політичному, а також культурному відношенні” [7, с. 157]. Навести порядок в православному християнському світі взялися не тільки окремі правителі, а й цілі держави, що водночас прикривало їх політичні інтереси